

Пролог

КРЕЩЕНИЕ ОГНЕМ

Эвану двенадцать лет. Он едет на пассажирском сиденье черного седана. Мальчик напряжен. Поездка проходит в молчании. Щека Эвана рассечена, на виске синяк. Теплая кровь стекает на шею и смешивается с выступившим от страха потом. На запястьях — там, где их сжимали наручники, — остались ссадины. Стук сердца грохотом отдается в груди, в голове.

Мальчик собирает волю в кулак, чтобы скрыть это.

Он провел в этой машине всего пять минут. Салон пахнет дорогой кожей.

Водитель назвал свое имя — Джек Джонс. Больше он ничего не сказал.

Немолодой мужик, лет пятидесяти с чем-то, с широким красивым лицом. Сложен крепко, как бейсбольный кетчер, и щурит глаза.

Из заднего кармана брюк Джек вынимает носовой платок, расправляет его и протягивает через приборную панель.

— Вытри щеку.

Эван смотрит на ткань.

— Останется кровь.

На лице Джека удивление.

— Ничего страшного.

Эван вытирает лицо.

Он самый маленький среди детей, в спортивных играх его берут в команду в последнюю очередь. Лишь пройдя варварские испытания, он смог получить право сидеть здесь, доказав, что достоин этого.

Никто из мальчишек не знал, что это за таинственный мужчина, стоящий на краю неровного бейсбольного поля и наблюдающий за ними, пока они играют и дерутся. Глаза незнакомца были спрятаны за солнцезащитными очками, пальцы вцепились в проволочное ограждение. Он курил одну сигарету за другой и ходил медленно, никуда не спешил, но при этом всегда умудрялся исчезнуть так же быстро, как и появлялся. Мальчишки начали выдвигать предположения. Этот мужик был педофилом; богатым бизнесменом, желающим усыновить ребенка; торговцем органами на черном рынке; вербовщиком для греческой мафии...

Эван совершил прыжок веры.

Мальчика вырвало из привычной жизни, как будто его похитила на улице летающая тарелка. Крещение огнем, да, и вправду, похоже на вербовку, но вот вербовку куда — об этом Эван понятия не имел.

Сейчас он знает только одно: куда бы он ни ехал, там будет лучше, чем в Восточном Балтиморе, в той жизни, что он оставил позади.

У мальчика урчит в животе. Даже здесь, даже сейчас это смущает Эвана. Он смотрит на себя в зеркало заднего вида, прикрепленное сбоку автомобиля. Может, там, куда он едет, будет полно еды.

А может, он сам станет едой.

Эван старается успокоиться. Он прокашливается, прочищая горло.

— Зачем я вам? — спрашивает мальчик.

— Я пока что не могу тебе это сказать.

Какое-то время Джек молчит, продолжая вести машину, но потом понимает, что Эвана в его положении этот ответ не устроит.

— Я не могу сейчас рассказать тебе всего. — В голосе мужчины неловкость. — Но я никогда не буду лгать тебе.

Эван изучающе смотрит на него и решает поймать его на слове.

— Мне будет больно?

Джек не поворачивает головы и не отрывает взгляда от дороги.

— Иногда, — отвечает он.

Глава 1

ВОПРОС О НАПИТКАХ

Взяв несколько пистолетных глушителей у девятипалого торговца оружием в Лас-Вегасе, Эван Смоак поехал домой в своем пикапе марки «Форд», стараясь не обращать внимания на ножевую рану.

Ему порезали предплечье во время ссоры на парковке для грузовиков. Обычно Эван старался не отвлекаться ни на что, кроме миссии, но в этот раз там была пятнадцатилетняя девочка и ей явно нужна была помощь. И вот теперь он здесь, старается не залить кровью приборную панель, пока едет домой, чтобы обработать рану. Эван смог лишь перевязать порез носком, затянув узел зубами.

Неплохо бы попасть домой. Эван не спал уже тридцать шесть часов. Он думал о бутылке водки тройной очистки, лежавшей в морозильнике. Он думал о горячем душе и мягкой постели. Он думал о телефоне в бардачке. О телефоне, который мог зазвонить в любой момент.

Пробравшись сквозь заборы Беверли-Хиллз, Эван въехал на Виллшир-Корридор, улицу, застроенную зданиями, считавшимися в Лос-Анджелесе высотными. Его дом со звучным названием Касл-Хайтс находился на востоке, и с верхних этажей открывался вид на Даунтаун. Здание не ремонтировалось с девяностых и сейчас казалось устаревшим, с медной арматурой и отделкой из розового мрамора. Не являющийся ни роскошным, ни модным в городе, ценившем и то и другое, Касл-Хайтс идеально подходил Эвану. Дом населяли старомодные жильцы с достатком выше среднего — хирурги, старшие партнеры в фирмах, седовласые пенсионеры с длительным членством в загородных клубах. Несколько лет назад тут поселился разыгрывающий защитник «Лейкерса», обеспечив Касл-Хайтсу пятнадцать минут пристального внимания прессы, но вскоре баскетболист съехал и жильцы облегченно откинулись на подушки, наслаждаясь тишиной и комфортом.

Эван проехал через порт-кошер, знаком показав швейцару, что припаркует машину сам, а затем направился в подземный гараж. Его пикап занял место между двумя бетонными колоннами, которое было скрыто от взглядов со стороны входа и не освещалось флуоресцентными лампами.

Сидя в грузовике, Эван развязал носок и осмотрел порез. Грязь не попала в рану, но зрелище было еще то. Кровь запеклась на коже, однако не закрыла рану полностью, и та все еще кровоточила. Порез, впрочем, был неглубоким. Понадобится шесть, а может, семь швов.

Эван достал из бардачка телефон, сделанный из резины и стекловолокна, с дисплеем из ударостойкого стекла. Он держал его при себе.

Всегда.

Посмотрев в зеркало заднего вида и убедившись в том, что гараж пуст, Эван переоделся в один из черных свитеров, которые хранились у него под сиденьем. Пистолетные глу-

шителем он положил в бумажный пакет, а сверху засунул окровавленную рубашку и носок.

Проверив батарею телефона (две полоски), Эван положил его в передний карман брюк и поднялся по ступенькам.

Оказавшись у двери в холл, мужчина глубоко вздохнул, готовясь перейти из одного мира в другой.

Тридцать два шага от двери к лифту, быстрый подъем наверх, и все.

Эван вошел в холл. Здесь было прохладно и пахло свежими цветами. Подошвы его туфель стучали по плиткам пола, пока он, вежливо улыбаясь, шел мимо спешащих по своим делам жильцов, несущих сумки с продуктами или говорящих по телефону. Эвану было за тридцать. Он был хорошо сложен, но недостаточно мускулист, чтобы выделяться из толпы. Просто очередной не слишком симпатичный парень.

Касл-Хайтс гордился своей системой безопасности, не последним элементом которой был пульт охраны, откуда просматривался лифт. Эван помахал рукой охраннику, сидевшему за высоким столом перед многочисленными экранами.

— Двадцать первый, пожалуйста, Хоакин, — сказал он.

— Почему бы вам просто не сказать «пентхаус»? — раздался голос позади. — Это ведь пентхаус.

Рука, похожая на клешню, сжалась на раненом предплечье, и Эвана будто обожгло. Он повернулся к сухой коренастой женщине, стоявшей рядом с ним (это была Ида Розенбаум из квартиры 6G), и выдавил из себя улыбку.

— Полагаю, мэм, вы правы.

— Кроме того, — продолжила та, — в конференц-зале в десять начинается встреча ассоциации жильцов. Это прямо сейчас. На последних трех встречах вас не было. — У женщины был плохой слух, поэтому ее голос разносился по всему холлу, информируя присутствующих о халатности Эвана.